

игом горя», нужды и беспросветной перспективы с теми, кто собственным героическим примером «учит жить для славы, для свободы» (Т. 2. С. 173), кого «послал Бог гнева и печали Рабам земли напомнить о Христе» (Т. 3. С. 154). Он предлагает читателю картину мучительного самоанализа и иррационального покаяния тех, кто, подобно ему самому, *жаждет и не находит оправдания* императиву уйти, заплатив жизнью, из мира «ликующих, праздно болтающих, Обагряющих руки в крови» «в стан погибающих За великое дело любви» (Т. 2. С. 138). Однако в некрасовских размышлениях о человеческой личности надлежит усматривать не только личностно-биографическую, но и *философско-антропологическую* мысль.

* * *

В отношении Некрасова в отечественной истории литературы все еще бытует известное клише, диктующее восприятие поэта едва ли не исключительно только как социально-актуального, идеологически-прогрессистского и гуманистического проповедника. Подобное представление вполне определено указывает на очевидные грани смыкания идей времени, убеждений поэта и его творческих установок. Но, будучи понято как *исчерпывающая* модель интерпретации творчества поэта, столь же несомненно оно приводит к обеднению призмы его художественных новаций, упрощению глубинных оснований его интеллектуально-творческих устремлений. А наличие этих глубинных установок в творческом сознании Некрасова вполне определенно констатируется, если не ограничивать его философско-мировоззренческого горизонта одними традиционными ликами поэта «гнева и печали»²⁹ или «печальника горя народного»,³⁰ «злободневного сатирика»,³¹ а воспринимать художника как вполне оригинального, национально-укорененного и незаурядного «философа жизни».³²

Впрочем, последнее утверждение нуждается в соответствующей аргументации. Какой-либо картины мироздания Некрасов, подобно, скажем, Ф. И. Тютчеву, в своих стихах явно не создает. Особым образом не озабочен он и проблемами познаваемости природы бытия и обуславливающих его первопричин или вопросами онтологического статуса человека и его отношений с Богом. Вообще в разряд собственно «философской» лирики Некрасова можно включить, и то с известной натяжкой, разве что два-три стихотворения.

Правда, *человек* всегда интересовал Некрасова: будь то человек с его социальной судьбой и незаслуженным страданием или человек, способный на самопожертвование, на гибель за идею; человек с больной совестью или же человек удовлетворенных амбиций, гордый присутствием ему общественным положением; человек любящий и человек бессердечный.

Уже обсужденные выше аспекты проблематики «человека жизненной рутины» в поэзии Некрасова позволяют предположить, что — пусть мало-

²⁹ Эту формулу дал сам поэт в своем стихотворении «Газетная» (Т. 2. С. 199).

³⁰ Это и аналогичные определения, возникшие в народнической критике, позднее, в советскую эпоху, превратились в расхожие идеологические клише, характеризовавшие не столько творческую (и даже мировоззренческую) индивидуальность поэта, сколько его «идейно-классификационную принадлежность» в соответствующих критических и литературоведческих оценках.

³¹ Здесь мы имеем клише противоположного свойства, пущенное в ход такими критиками, как В. Буренин, В. Авсеенко, и подхваченное критиками конца XIX—рубежа XX века Е. Марковым, Д. Мережковским и др.

³² См.: Лебедев Ю. В. Этический идеал Н. А. Некрасова // Ф. М. Достоевский—Н. А. Некрасов. Сб. науч. тр. Л., 1974. (Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена; Т. 153).